

Глава 7

Смутное время

Переход на «третий путь».
На воздушном шаре в дохристианскую Русь.
«Сокровенная тайна» госсocialизма.
Сталинские секретные правила.
Как разорвать порочный круг?
Как я понимаю природу человека.
Какой строй должен прийти на смену
капитализму и социализму?

Потеряв возможность работать в школе, т. е. потеряв вторую специальность, я какое-то время зарабатывал себе на жизнь ногами: сделался «нелегальным» профессиональным спортсменом, велогонщиком. Легальных профессионалов в СССР не существовало. Я числился тренером, получал за это зарплату, которую отработывал в гонках (на шоссе) за команду «Локомотив», в которой я состоял со времени работы в железнодорожной школе рабочей молодежи.

В качестве велогонщика впервые после войны побывал в отдаленных от Москвы местах — Узбекистане, Карелии, Львове.

Поразил меня Узбекистан, поразил своей нищетой и отсталостью. Я уже тогда слышал в Москве, что, мол, все нерусские республики паразитируют на России и люди там живут много богаче, чем в русских землях. Действительность резко расходилась с этими представлениями.

Жили мы в Самарканде, там проходил предсезонный тренировочный сбор и потом весенняя многодневная велогонка. Большая часть Самарканда состояла из маленьких, примитивных глинобитных домиков. Как правило, в них не было электричества и никаких других удобств. Полы были земляные, крыши плоские.

Люди, лошади, ишаки, собаки — все выглядели нищими и грязными. Когда на улице к нам подходил человек что-нибудь спросить, мы не могли сразу определить, нищий подходит или обыкновенный человек. Очень жалко было собак. Они бродили, с трудом передвигаясь, какие-то плоские от голода, заглядывая людям в глаза и вздрагивая от каждого направленного к ним движения. Подобное количество брошенных собак и кошек я увидел потом в Москве после начала «строительства» в России нового «светлого будущего».

Магазины Самарканда стояли полупустые, особенно продуктовые. Рабочие и служащие несли с работы даже хлеб. Его специально продавали на заводах, так как в городе, в открытой продаже хлеб достать было очень трудно. К нам в комнаты постоянно приходили женщины из близлежащих домов, предлагая постирать белье, одежду за банку сгущенки для своих детей. Нам сгущенку выдавали для кофе, для чая.

Один из тренеров, помню, сказал мне в сердцах, один на один конечно: «Когда видишь все это, хочется бросить им партбилет!».

Жили мы в помещении железнодорожного техникума. Однажды кто-то из нас машинально спросил местного рабочего паренька-железнодорожника:

— Ну, как вы тут живете?

И получил в ответ:

— Это вы в Москве, может быть, живете, а мы здесь только существуем!

Пареньку было лет шестнадцать.

Ну, а уж в узбекской провинции

нищета стояла совсем кричащая. В Средней Азии мертвецов хоронят в маленьких глинобитных домиках-склепах, и когда мы ехали по шоссе и появлялся впереди какой-нибудь поселок, издали трудно было понять, что это — селение или кладбище? А однажды нам пришлось вернуться с тренировки, так как в селах на нашем пути разразилась эпидемия холеры.

Запомнилась сцена, свидетелем которой я стал во Львове. Мы с одним спортсменом пошли постричься к парикмахеру, работавшему в маленькой комнатке в гостинице, в которой мы жили. Окно той комнаты выходило во двор и туда же выходила дверь какого-то магазина, около которой стояла огромная, по всему двору, очередь. Что-то, видимо, в магазине «выкинули» дефицитное. Вдруг во дворе начались крики, переходящие в женский визг. Мы выглянули из окна и увидели, что в очереди вспыхнула драка. Женщины, визжа и сквернословя, водили друг друга за волосы, пинали ногами. И мы услышали голос старика-парикмахера: «Вам то хорошо: вы не видели другой жизни. А мне при виде такого — жить не хочется!».

«Чем же ты сейчас занимаешься?» — спросил меня однажды Виктор Ардов, отчим моего старого приятеля Алеши Баталова. «Спортом», — усмехнулся я. «От физики, значит, до физкультуры только шаг?» — пошутил Ардов. «Да, особенно, когда тебе этот шаг помогают сделать пинком под зад!» — ответил я ему в тон.

Но жизнь спортсмена меня не могла удовлетворить, и после

XX съезда, когда появилась надежда на либерализацию режима, я начал постепенно втягиваться в журналистику и даже в беллетристику, начал заворачивать, что называется, на «папину дорожку», от которой, как знает читатель, раньше всеми силами пытался уйти.

Однако в самом же начале этого моего нового, «третьего пути» (после науки и преподавания) советская жизнь нанесла очередной удар по моим надеждам. Произошло кровавое подавление Венгерской революции, а вслед за тем началось и закручивание гаек в средствах информации и литературе. Вышло очередное постановление «партии и правительства» об очередном усилении партийности в литературе. Хрущев, испугавшись венгерских событий, стал примораживать «оттепель».

К тому времени я успел уже немного войти в литературно-газетный мир, что-то опубликовал. Пришел даже с рассказом в «Новый мир». Рассказ мой там не взяли, но я познакомился и подружился с тогдашним редактором отдела прозы Георгием Владимовым.

Вскоре после вторжения советских войск в Венгрию и выхода упомянутого выше «очередного постановления» я зашел как-то в «Новый мир» и встретил там Владимирова. Мы стали обсуждать с ним эти события, и Владимов вдруг сказал:

— Да. Самое время лодку снаряжать!...

Я опустил глаза, ничего ему не ответил, подивившись его смелой откровенности, но идея эта запала мне, что называется, в душу.

И жизнь удивительным образом все время подталкивала меня к мысли о побеге. В своих журналистских работах, статьях, очерках я старался уйти подальше от подцензурных тем и выбирал самые политически нейтральные сюжеты. Так я набрел на аэрологию. Сначала летал

на специальных самолетах, на которых испытывалось оборудование для разгона облаков. Писал об этом для «Смены», «Вокруг света», «Литературки», «Известий». Потом добрался и до аэростатов. Получил командировку на один из полетов, во время которого должна была испытываться какая-то научная аппаратура. Но взлететь оказалось очень непросто. Несколько раз меня вызывали на летное поле, находившееся в Долгопрудном, я чуть свет выезжал туда, и — полет отменяли. И по какой причине? Ветер дул в западном направлении! Оказывается, вылеты при таком ветре были строго-настрого запрещены с той поры, когда кто-то, воспользовавшись западным ветром, улетел на шаре «за бугор».

От воздухоплателей я также узнал, что по тем же мотивам была в свое время закрыта знаменитая планерная школа под Коктебелем, в которой начинали летать многие воздухоплатели и авиаторы. Какой-то дерзкий спортсмен, курсант школы, умудрился на планере перелететь через Черное море в Турцию!

Полет на воздушном шаре, когда он наконец состоялся, был одним из самых прекрасных приключений в моей жизни. Летели мы над миром в открытой, сплетенной из ивовых прутьев корзине, на высоте пять тысяч метров. С кислородными баллонами. Пролетели мы таким образом всего лишь 240 километров, но попали — в ранние средние века, в дохристианскую Русь, словно летели на машине времени.

Приземлились мы в лесах Ярославской области, в Никоузском районе, около деревни, в которой была расположена центральная усадьба колхоза «Герой». Там мы столкнулись с почти полным отсутствием всех главных признаков цивилизации: электричества, радио, газет, дорог и даже туалетов, которые заменяли отхожие канавки или скотные сараи. К примеру, в правлении колхоза, располагавшемся как бы на втором этаже (из-за близости грунтовых вод жилые помещения поднимают высоко над землей), люди выходили на открытую лестничную площадку, которая находилась под крышей примыкавшего к дому сарая-хлева, и оттуда справляли вниз свою нужду. Я извиняюсь за натурализм, но надо знать свою страну.

Передвигаться в тех краях было можно только на мощных гусеничных тракторах с прицепленными к ним огромными деревянными санями, зимой и летом! Это были фантастические сани: полозья — из толстых и длинных, с телеграфный столб, бревен, и на них, на двухметровой высоте, платформа из теса. Почва ведь там болотистая, и в глубоких, как окопы, колеях всегда стояла жидкая грязь, по которой и тянулись эти сани. На таком поезде мы ехали, точнее, плыли целый день, чтобы добраться до ближайшей железнодорожной станции, находившейся в 37 километрах от деревни приземления. Несмотря на двухметровую высоту платформы вода то и дело подходила под самые ноги. С нами ехали и деревенские бабушки с кошелками — на рынок. Великие умельцы изобрели эти сани.

Раньше в тех местах ездили на конном транспорте, но в 30-е годы пустили грузовые машины по дорогам, не укрепив их, не заасфальтировав, и машины их быстро раздолбали. Пришлось грузовики заменять гусеничными тракторами, которые еще глубже прорыли колеи.

Во время нашего пребывания в «геройском» колхозе произошел и такой дохристианский эпизод. Утром после приземления мы вышли из избы, в которой ночевали, чтобы посмотреть, что можно купить в сельпо. И, ожидая его открытия, услышали, как несколько молодых колхозниц обсуждали между собой наше приземление. Одна из девушек возбужденно рассказывала, как она, работая на огороде, увидела, что в лес за деревней опустился большой серебристый шар. Все соседи закричали, что это атомная бомба! И мужики побежали туда, к шару (т. е. к бомбе, значит). А когда вернулись, рассказали, что это никакая не бомба, а воздушный шар

с корзиной, а в корзине... черная мышь! Нечистая сила, значит! При виде людей мышь выскочила из корзины и скрылась в лесу.

Мы стоим рядом — чужие, недеревенские люди, на нас одежда летчиков, шлемы, комбинезоны, унты, но это ни о чем не говорит колхозницам, они не обращают на нас внимания и продолжают горячо обсуждать, что же теперь будет, после того как эта черная мышь завелась у них в округе? А на дворе вторая половина XX века, обязательное общее среднее образование, спутники летают в космосе... И какая жажда мифа — встретившие нас мужики ведь наверняка рассказали все о шаре и о нас. Но нет — черная мышь и точка!

Но это еще чепуха, уверяли меня летчики. Чаще всего воздухоплателей принимают за американских шпионов, вяжут и запирают в сарае. Потом, узнав через милицию, кто они, начинают летчиков поить и закармливать вусмерть, чтобы, значит, свою ошибку загладить.

На второй день нашего пребывания в деревне молодой парень кинулся вдруг к нам посреди улицы. «Вы из Москвы будете?!» — вскричал он. И горячо стал рассказывать о том, какая гиблая жизнь в этом проклятом районе. Он умолял нас рассказать об этом в Москве «начальству», написать Хрущеву. «Ну скажите, разве можно так жить? Как нам здесь жить?» — то и дело повторял парень. Ощущение было такое, что дай ему автомат, и он его немедленно пустит в ход — веером от живота!

Парень этот работал в колхозе механизатором, учился в городе, служил в армии.

— Гони пол-литра! — шутил потом наш командир. — А то мы расскажем здесь, что ты корреспондент, и тебе покажут кузькину мать, придется-таки писать письмо Хрущеву.

Кровавое подавление Венгерской революции в ноябре 1956 года лишило меня последних иллюзий насчет того, что Хрущев является искренним противником сталинизма и сможет заметно ослабить партийный диктат. Потрясла жестокая и подлая расправа с Имре Надем, главой венгерских коммунистов, который не побоялся после начала вторжения обратиться к ООН с призывом о помощи. После захвата Будапешта в советской прессе появилось сообщение-опровержение, что «Имре Надь и группа его товарищей» не арестованы, как об этом говорят буржуазные средства информации, а «выехали в Румынию». Но примерно через месяц, когда советские войска окончательно подавили сопротивление будапештских рабочих, появилось другое сообщение: «Агент империалистических разведок Имре Надь и группа его сообщников предстала перед судом (чьим и где — не говорилось), приговорена к высшей мере наказания и приговор приведен в исполнение». Все как в добрые сталинские времена. Стало ясно, что режим и партия — безнадёжны.

Позже, в спорте, я встретил демобилизованного солдата-танкиста, который был в Будапеште осенью 56-го. Он рассказывал, как они шли в танках на толпу и потом из брандспойтов смывали с гусениц кровь и человеческое мясо.

На фоне всего этого грустную картину представляло собой поведение интеллигенции. При первом же нажиме властей почти все критики перестроились и начали петь дифирамбы Хрущеву и находить оправдания его действиям. И не только рядовые интеллигенты, но и именитые, хотя им-то не пришлось бы рисковать жизнью и свободой, прояви они несогласие с властями. На прошедшем тогда писательском съезде один Эренбург выступил смело. Помню его удивительные для того времени слова: «Строй, который боится критики и гласности, обречен».

Помню, я сказал тестю, зачем, мол, надо было убивать Имре Надя. Да, ответил тесть, убивать не надо было, но не надо было и выпускать из тюрьмы его и других ревизионистов. Сидели бы в тюрьме и умирали естественной смертью. Не было бы никакого скандала.

Разъезжая по стране в качестве журналиста, я всматривался в работу промышленности, стараясь понять главную причину нищеты и неустроенности тогдашней жизни, которые в провинции особенно бросались в глаза. Я осторожно обсуждал эти вопросы с вызывавшими доверие рабочими и инженерами.

Имея за плечами научное образование, я получал командировки либо на заводы и стройки, либо в научные институты. На заводах я обязательно останавливался в рабочих общежитиях, чтобы лучше понять проблемы «заводского народа», а заодно и проблемы экономики.

Я старался разобраться, почему при весьма развитой промышленности люди живут самым нищенским и примитивным образом.

— На обустройство не хватает средств! — объясняли руководители заводов. — Так же, как и на повышение жизненного уровня.

Но почему? Ведь и руководители предприятий и строки страдали из-за этого положения. Работники часто болели, много воровали, недобросовестно работали, и очень велика была текучесть рабочей силы. В среднем примерно 60% работников в течение года увольнялись и уезжали искать, где условия лучше и зарплата повыше. В результате техника, машины, по словам хозяйственников, ходили по рукам.

Корень всех бед я видел, естественно, в отсутствии конкуренции. Из-за этого, вел я цепочку, продукция выпускается некачественная и быстро выходит из строя. Быстрее, чем рассчитывалось. Плюс халатное отношение к технике, к оборудованию.

К огромным потерям приводило и централизованное планирование, неизбежное при национализированной экономике.

Возникающий в результате дефицит надо было покрывать за счет форсирования производства и его развития. И в первую очередь — возмещать сверхплановые потери и дефицит средств производства, а не товаров для населения и материалов для обустройства. Заводы не могут функционировать без работающего оборудования, а люди в условиях дефицита товаров и продуктов и бытовой неустроенности жить могут. Их можно уговорить или заставить.

И промышленность начинает работать сама на себя, чтобы заводы не остановились. Потребление машин начинает превалировать над потреблением людей. Приходится развивать преимущественно производство средств производства — группу «А», создавая тем самым диспропорции в структуре экономики, а людей — заставлять жить в условиях необеспеченности и неустроенности. Параноидальный страх тоталитарного режима перед врагами вне страны (и его заинтересованность в таких врагах, чтобы подчинять общество) побуждал форсировать и развитие военной промышленности, что еще больше усиливало диспропорции. Львиная доля прибылей всех отраслей хозяйства страны перекачивалась на развитие группы «А» и ВПК, реальные заработки людей падали, условия их жизни ухудшались, и с этим еще больше падала заинтересованность в добросовестном труде, что в свою очередь увеличивало количество преждевременных потерь оборудования и товаров. Возникал порочный круг. Впоследствии мне посчастливилось увидеть закрытый доклад Новосибирского экономико-математического института (директор — академик Аганбегян), в котором сообщалось, что 95% продукции совет-

ского машиностроения идет на нужды группы «А» (против 65% — в США, что тоже, по-моему, многовато), и при этом половина продукции группы «Б» (средств потребления) шла также в группу «А».

И, приходил я к выводу, «сокровенная тайна» госсocialизма состоит в том, что пресловутая индустриализация в условиях всеобщей национализации носит спонтанный характер, а не является результатом осмысленной «воли партии и правительства», как внушала это официальная пропаганда.

Если над частнокапиталистической экономикой довлеет конкуренция, то над госсocialизмом — необходимость затыкать бреши потерь, прежде всего в группе «А». И тяжелая индустрия растет, как раковая опухоль, высасывая все соки из людей и природы. Сталин, начав в 1928 году форсированную индустриализацию, ускорил этот процесс, выпустил джина из бутылки. Советские правители в послевоенные годы неоднократно пытались приостановить этот злокачественный рост, но, естественно, не могли достичь успеха.¹

Приведу конкретный пример из моей журналистской практики, чтобы проиллюстрировать возникновение порочного круга советской экономики — спонтанной индустриализации. В середине 60-х годов я работал корреспондентом от «Известий» на строительстве Череповецкого гидроузла Волго-Балтийского канала. За год до моего приезда на строительстве был полностью обновлен парк грузовых автомашин — важнейшего «средства производства» на строительстве каналов. И за этот короткий срок около 70% автомашин полностью вышли из строя! Машины были некачественные, недолговечные во многих узлах; еще хуже были дороги: почти без покрытия, грязь по самые оси, а зимой и в сухое лето — всесокрушающие колдобины; и наконец, безжалостное обращение шоферов, которые сами жили там в тяжелейших условиях и все время бежали со стройки.

В итоге в центр летели панические телеграммы: не хватает машин, стройка, канал под угрозой! Плановики рассчитывали, что машины прослужат минимум три года, да после капитального ремонта еще столько же. А они уже за год были полностью разбиты — только на металлолом списывать.

Но канал был нужен, чтобы снабжать сырьем прежде всего тяжелую индустрию, которая должна работать и расширяться, чтобы восполнять безвременные потери машин и оборудования, и т. д. Вот и приходилось бросать средства в первую очередь на производство средств производства. В данном случае — на внеплановое увеличение выпуска грузовых автомашин, а следовательно, и всех необходимых для этого механизмов, материалов, сырья. Люди, дороги, службы быта, так называемое обустройство — могут подождать! И люди ждали или скитались по стране в поисках более сносных условий и работали все хуже и хуже.

Как, к примеру, жили люди на Волго-Балте. Ютились в каких-то немислимых юртах-хибарах, сшитых из тонких досок и грубо оштукатуренных, или в разваливающимися старых бараках, или в изношенных тесных вагончиках. Крыши текли, продувал ветер, не было канализации, сушилки не работали; в бане стояли дикие очереди, и работала она с перебоями — иногда раз в две недели: не хватало воды. Из-за этого же нерегулярно работала и столовая. Воду возили машинами, но их было мало. Рядом с поселком высилась водонапорная башня, но тру-

¹Приведенный анализ опубликован полностью в моей вышедшей в ФРГ книге «Свобода, власть и собственность» (Изд-во «Ахберг», 1977)

бы лопнули в начале зимы: вовремя не утеплили. Потом трещины заварили и трубы утеплили опилками, но они вновь лопнули: опилки положили сырые! И так можно перечислять без конца.

Узнав, что я корреспондент из Москвы, на меня накинулся главврач больницы: помогите хоть вы! В больнице обвалилась крыша. На всю стройку остался один медпункт с одним врачом и двумя санитарями, которые принимали в день до 70 больных, из которых 50 были с обморожениями: теплой спецодежды не выдавали!

Вслед за главврачом меня атаковал директор школы. Школа — старый дощатый барак, под полом вода, дети уже осенью сидят в классах в пальто, а зимой мороз до 40 градусов! Директор в разговоре со мной дошел до слез: «Дети же гибнут! Болеют, бронхит хронический у всех, у девочек — воспаления женские!». Но денег на ремонт школы не дают. Директор ездил жаловаться в Москву, до ЦК дошел, обещали помочь. А когда вернулся назад, его вызвал секретарь обкома товарищ Сталь (фамилия!) и стальным голосом предупредил: «Будешь еще жаловаться (на ты), людей от дела отвлекать — уволим! Нет средств на обустройство! Понятно тебе?».

Мрачная ирония состояла в том, что заключенные, также работавшие на строительстве Череповецкого гидроузла, жили там в гораздо лучших условиях, нежели вольные рабочие. У них были теплые бараки без дырявых крыш, сносное медицинское обслуживание и питание, выдавалась и относительно теплая одежда.

Перечитывая теперь эти заметки, понимаешь, откуда растут ноги и у нынешнего российского капитализма. С народом, который так терпелив, можно создавать любой строй и извлекать любые прибыли! Познакомившись позже с жизнью в социалистических Эстонии и Латвии, я понял, что слишком много валил в России на строй. В Прибалтике жизнь была несравнимо более благоустроенной, гуманной. Я понял, что значительная часть всех тягот и пороков советской жизни была вызвана жестокостью и бездушием руководящего класса, его наплевательностью на людей и одновременно — пассивностью рядовых граждан.

Жестокость жизни и взаимоотношений воспринималась рядовыми людьми как норма, и когда они «выходили в люди» — в начальство, они начинали так же жестоко относиться к нижестоящим, к народу. В недемократических условиях любое сообщество воспроизводит себя, отбирает и воспитывает кадры в своем духе.

Об одном одиозном примере воспитания такой жестокости я узнал на том же Волго-Балте. На банкете по случаю «успешного и досрочного» (к очередному съезду партии) окончания работ на Череповецком гидроузле подвыпившие инженеры стали вспоминать строительство Волго-Донского канала в сталинские годы, которое велось в основном руками заключенных. Оказывается, тогда для досрочного завершения работ дано было указание не останавливать бетонирования, если в блоки будут падать ослабевшие ээки. И ээки то и дело срывались, и их заливали бетоном.

Читатель! Попробуйте поставить себя на место инженеров, прорабов, вольнонаемных механизаторов. Ведь ээки, падавшие в заливаемые ячейки, наверняка кричали, звали на помощь, а их — бетоном! А потом туристы на пароходах плавали по каналу и ловили кайф.

Инженеры на банкете вспоминали — у кого сколько ээков было забетонировано на участках. Назывались цифры в 10–15 человек. Когда один из инженеров сказал, что у него не было забетонированных, в ответ ему закричали: «Врешь! У тебя ведь был большой участок!».

И тогда директор строительства Волго-Балта Хмельницкий, в прошлом заместитель начальника строительства Волго-Дона, прорычал, ударив кулаком по столу: «Да, мрачное было время! Но строили мы тогда отлично!». И потом с пьяной откровенностью пояснил мне: «Тогда у нас не было никаких проблем с кадрами! Нужны мне были какие-то специалисты, я давал разнарядку в КГБ и МВД и получал все сполна, без проволочек!».

А между тем «мрачность» — в смысле жертв — в послесталинские времена не так уж сильно просветлела. На строительстве Воткинского гидроузла незадолго до моего приезда случилось страшное ЧП. В одном шлюзе еще шла работа, а в другом, параллельном, ввиду всегдашней спешки уже происходила пробная проводка корабля, и в это время рухнула стена, отделявшая готовый шлюз от соседнего, недостроенного. Погибли почти все — и те, кто был на корабле, и те, кто работал в соседнем шлюзе. Несколько сот человек!

Вскоре в редакции «Известий» я узнал, что подобное случилось и на Южном Урале, но уже на строительстве гигантской домны. Был очередной кризис с металлом, очередной штурм, и домну строили в жестокие морозы. Бетон ложился холодным, и однажды домна рухнула, завалив около трехсот человек, работавших внутри. Спасти не удалось никого. Даже те, кто еще оставались в живых после обвала, замерзли, пока их откапывали.

Вот как «закалялась сталь» жестокости, с которой ведется сейчас строительство «новой России».

Картины страдания людей западали в душу, и мучило сознание, что ты ничем не можешь помочь. Иногда, путешествуя по стране, я пытался не замечать ужасов вокруг, но из этого ничего не получалось. И лишь когда я решил всерьез работать над поиском ответа, что может помочь людям в стране обрести сносную жизнь и свободу, когда понял, что это становится главным в моей жизни, мне стало легче.

Предвижу вопрос, писал ли я о том, что видел и о чем думал? О «думах», конечно, не писал, а о том, что видел — пытался. Изредка мои статьи и очерки проходили целиком, чаще — с купюрами, а часто — и не проходили! Строгость цензуры зависела от издания, его тиража (чем больше тираж — тем строже цензура), от редактора и от времени. В частности, о Волго-Балте мне удалось изрядно рассказать в «Известиях» (от которых я и был командирован). Газету тогда редактировал Алексей Аджубей, зять Хрущева и либерал, использовавший свое положение для ослабления цензуры в «Известиях». («Не имей сто друзей, а женись, как Аджубей!» — ходила шутка.) Один из очерков о Волго-Балте в «Известиях» я назвал «Белый флаг над Волго-Балтом». И в очерке объяснил: над стройуправлением развевался белый флаг (грязно-белый), и когда я спросил начальника управления: «Перед кем капитулирует стройка?» — он, взглянув на флаг, воскликнул: «Мать твою так! Выцвел! Пригляделись мы! Не замечали...» Редактор отдела ходил с этим очерком к Аджубею — разрешил!

Необходимо отметить, что не везде люди жили так плохо, как на Волго-Балте. Работники крупных военных предприятий, а затем и работники предприятий, добывающих ценное и экспортное сырье, были обустроены и обеспечены получше. Я много ездил, например, по предприятиям нефтегазохимии, и там уровень жизни был относительно приличным. Неплохо были обеспечены работники промышленности при крупнейших городах и особенно в Москве.

Здесь сказывались секретные правила, установленные Сталиным, которые до сих пор очень мало известны. Хорошо зная историю революционной борьбы в России, Сталин уста-

новил секретный порядок, согласно которому лучше обеспечивались рабочие тех отраслей и категорий, которые в прошлом были более революционны, более боевиты, лучше организованы. Это металлисты (работа с металлом делает человека жестче, решительнее), горняки (работа сплачивает и развивает мужество), матросы (те же факторы). Затем Сталин повелел лучше обеспечивать рабочих в столице и крупнейших центрах, так как все восстания, как правило, начинаются там. Была предусмотрена даже такая деталь: запретить вешать ставни на окнах. Ведь Сталин помнил, как они спасали революционеров от полицейской слежки.

И похоже, все эти предосторожности сыграли свою роль. Хотелось бы знать, почему о них помалкивают нынешние антикоммунисты? Продолжают этими сталинскими правилами руководствоваться?

Как разорвать порочный круг?

Прежде всего отмечу, что думая о причинах бедственного положения людей в стране и о том, как его можно преодолеть, я делал это исключительно для собственного разума. У меня и мысли не было, что я когда-нибудь буду публиковать результаты этих раздумий. Поэтому я был совершенно свободен в своих размышлениях, не оглядываясь на авторитеты, на существующие теории и т. п. И не стремился к тому, чтобы обязательно быть оригинальным, привлекать внимание. Эта забота часто очень далеко уводит от истины.

Кроме того, я, слава Богу, не был привержен марксизму и был свободен от его догм и схем, мешающих видеть реальность и свободно осмысливать ее.

Благодаря всему этому я пришел к пониманию, что главное в оценке социально-экономических преобразований — это их соответствие психологической природе человека, ее фундаментальным по-

требностями. Иначе говоря, преобразования, чтобы быть эффективными, должны способствовать лучшему удовлетворению человеческих потребностей. В социальной сфере одной из таких фундаментальных потребностей я считал стремление к самоутверждению. Возможность удовлетворения такой потребности и дает конкуренция.

Андрей Платонов гениально определяет любой нетворческий труд как повторительный! Таким является и бухгалтерский труд, и труд землекопа. И для такого труда как воздух необходима экономическая конкуренция и экономическая заинтересованность: зависимость заработка от качества и количества продукции или услуг.

Для творческого труда необходима конкуренция интеллектуальная. Экономическая конкуренция тут скорее вредна. Но об этом мы будем подробнее говорить дальше.

Меня поражало непонимание человеческой психологии марксистами. Как мог Ленин, гениальный человек, говорить о социализме как о «единой конторе и единой фабрике с равной оплатой за равный труд»? Да еще говорить о контроле за соблюдением такой равной оплаты с помощью «вооруженных рабочих, которые шутить не любят»? Такой строй исключал конкуренцию. Потом, к концу жизни, Ленин пришел к другому мнению: «кооперативы — это, наверное, большая часть социализма, а, может быть, и весь социализм!» — но это уже вопреки марксизму.

Для создания экономической конкуренции я прежде всего пытался думать о возможности восстановления в Советском Союзе капитализма. Хотя понимал, что при капитализме конку-

ренция и заинтересованность касаются главным образом хозяев и менеджеров, а они уж заставляют добросовестнее и напряженнее трудиться своих наемных работников, что все-таки лучше, чем когда никто не заинтересован в добросовестной работе. (О том, что надвигается эпоха господства анонимного капитала и транснациональных сверхмонополий, когда у предприятий не остается конкретных хозяев, я, находясь в СССР, знать, естественно, не мог.)

Но вскоре я понял, что восстановление капитализма в России — дело нереальное. У кого найдутся средства для приобретения в собственность большого числа дорогостоящих крупных предприятий, значительную часть которых к тому же надо будет перестраивать на мирные рельсы? И откуда возьмутся опыт и навыки работы в условиях капитализма? Ведь капитализм в России существовал в течение очень короткого срока, и прошло с тех пор очень много времени, целая эпоха.

У нас, правда, многие считают, что наоборот, социализм существовал в стране очень не большое время, «каких-то» лет 70. Но я придерживаюсь мнения, что время человеческое измеряется не столько календарными годами, сколько насыщенностью событиями и переменами, и потому считаю, что 70 советских лет по влиянию на психологию людей были очень долгим временем, соизмеримым с несколькими предыдущими «сонными» веками. Вспомним, к примеру, какими долгими были годы горбачевской перестройки или войны. Время в такие периоды как бы уплотняется и бежит скорее для вовлеченных в события людей. Условно говоря, за год, насыщенный событиями, проходит десяток «обычных» лет. Потом эту концепцию я встретил у Томаса Манна в его «Волшебной горе».

Я не видел возможности восстановления капитализма в Советском Союзе, так как представить себе не мог, что в случае падения или развала тоталитарного социализма у власти останется большинство чиновников КПСС и их интеллектуальных помощников, которые просто заберут себе в собственность наиболее лакомые объекты народного хозяйства, «переквалифицируются» в капиталистов. Я не мог себе представить, что общество, народ позволит этим тупым, жестоким, лживым людям, доведшим страну и народ до бедственного положения, «строить новое светлое будущее», не предполагал, что общество может оказаться до такой степени неумным и пассивным, не представлял, как глубоко изуродовал людей сталинский режим своим террором и изуверской лживостью, сделав его не способным к самозащите.

Позднее, оказавшись среди диссидентов, я был поражен, увидев, что даже они в большинстве своем не понимают по-настоящему, что представляют собой советские чиновники и их интеллектуальная обслуга, не понимают, что их и близко нельзя подпускать к власти.

Если же не допускать возможность захвата госсобственности партийной и хозяйственной номенклатурой, то остается один только путь к созданию конкурентной рыночной экономики — через передачу предприятий и учреждений в собственность и управление трудовым коллективам (или выкуп их коллективами в рассрочку, если они новые). За исключением предприятий небольшого числа отраслей хозяйства, где необходима централизация управления и невозможна или очень затруднена конкуренция.

Сейчас этот вывод кажется достаточно простым, но в начале 60-х годов прийти к нему было нелегко. Вокруг не было никаких серьезных опорных точек.

В начале 60-х смутные слухи о трудовом самоуправлении доходили из Югославии, но после сговора Хрущева с Тито в 56-м году, когда Тито одобрил разгром рабочих Советов в Буда-

пеште, я понял, что самоуправление в Югославии было туфтой. Потом, на Западе, я получил этому полное подтверждение, хотя узнал и то, что даже в усеченном виде самоуправление позволило поднять жизненный уровень в Югославии выше, чем в соседних с нею социалистических и капиталистических (!) странах. Имею в виду Грецию, Турцию, Южную Италию.

Размышляя о строе трудового самоуправления, как я его тогда называл, я постепенно приходил к пониманию, что строй этот подходит не только для России, но и для всего мира, и представляет собой будущий посткапиталистический уклад человечества, так как лучше удовлетворяет потребности человеческой природы, нежели капитализм.

Конечно, я понимал, что разные страны и регионы Земли по-разному подготовлены к укладу самоуправления, и распространяться он будет поэтому постепенно, но так называемые социалистические страны, особенно европейские, более всего нуждаются в укладе трудового самоуправления и более всех других к нему подготовлены. Хотя бы потому, что государственную собственность легче разбить на групповую, чем капиталистическую передать трудовым коллективам.

Пришел я в то время и к ясному пониманию, что государственный, марксистский социализм представляет собой антитезис капитализма, построенный на полном отрицании всех его принципов, в том числе и таких, которые соответствуют природе человека, как, к примеру, конкуренция в экономике и в политической жизни.

Большим подспорьем тут для меня оказалась попавшая мне случайно в руки статья Олдоса Хаксли «Наука, мир, свобода», распространявшаяся в самиздате. В ней я впервые нашел глубокое и современное обоснование кооперативного социализма, совпадающее с моими представлениями.

Основная мысль Хаксли состоит в том, что все зло проистекает от того, что большинство людей при всех существующих режимах все больше лишаются собственности на средства производства. Касательно капиталистического мира Хаксли имел в виду безостановочный рост гигантских концернов и монополий. Люди же, лишённые кормящей собственности, попадают в абсолютную зависимость от работодателей, будь то частные лица или государство, и деморализация и тех и других прогрессирует. Однако возвращение к обществу мелких собственников- «единоличников» невозможно и остается, пишет Хаксли, один выход: групповая собственность работников на средства производства и самоуправление. Статья Хаксли заканчивается примечательными словами (цитирую по памяти): «Пусть редкие пока голоса сторонников трудового самоуправления тонут в хоре централизаторов слева и справа, кто знает, голоса первых христиан так же тонули в сонме насмешек и поношений».

Написано это было в 1945 году!

Статья Хаксли помогла мне утвердиться, что я — на верной дороге. Предвижу вопрос, а разве теоретики анархизма, анархо-синдикализма не представляли для меня такой поддержки? Увы, нет. В тот период я смог познакомиться в общих чертах со взглядами Кропоткина и Бакунина, и они поразили меня примитивностью и какой-то полной неактуальностью, словно они были выпестованы в давно прошедшую эпоху, ну и конечно, мне был чужд их примитивный антигосударственный настрой.

Размышляя обо всех упомянутых выше проблемах и вопросах в одиночестве, я не знал, что в то же примерно время в США банкир Луис Келсо думал над созданием «Плана передачи собственности работникам» (ИСОП), который в 70-е годы получил законодательную поддержку и широкое применение в США, а затем и во многих других странах. Не знал, что в Испа-

нии в это время под руководством священника Хосе Марии Аризмендарриеты создавалась федерация кооперативных предприятий «Мондрагон», минигосударство будущего, а в Праге группа ученых под руководством Ота Шика работала над программой реформ, предполагавшей создание в ЧССР демократического социалистического строя, с предприятиями, принадлежащими трудовым коллективам, и рыночной экономикой. Не знал, наконец, что и А.Д. Сахаров уже начинал в то время думать о необходимости и спасительности для «страны и мира» конвергенции социализма и капитализма.

Свидетельствует все это, очевидно, о том, что уже наступало время этих идей.

Читатель должен еще отметить, что все упомянутые выше люди, как и автор этих строк, не были марксистами. Ота Шик, хотя и состоял в компартии, но отошел от марксизма задолго до 68-го года. Это еще раз говорит о том, что марксизм — дело прошлого.

Очень большую пользу в моих «поисках будущего» мне принесло изучение работ Зигмунда Фрейда, особенно работ о структуре психики человека и социальной психологии. Я не стал фрейдистом, но приобрел навык и вкус к анализу психологии.

Много для понимания психологии труда и рабочего человека дало мне и чтение ранних произведений Андрея Платонова, о котором я впервые услышал от Эренбурга. Илья Григорьевич, узнав о моем интересе к социальной психологии, сразу же указал мне на Платонова, который тогда был еще в полном забвении. Особенно важными были для меня его повесть «Происхождение мастера» и маленький шедевр — рассказ «О потухшей лампе Ильича». Кроме всего прочего, Платонов представлял собой опровержение элитарных претензий многих советских интеллигентов, утверждавших, что истинным интеллигентом может быть лишь «интеллигент в третьем поколении». Платонов, как известно, вышел из среды милых моему сердцу железнодорожных рабочих. Его отношение к железнодорожникам, паровозам, миру рельс и вокзалов — высокая поэзия!

Но особенно богатую пищу для моих размышлений я получал от общения с инженерами и рабочими во время командировок на различные предприятия и стройки.

Результаты своих раздумий о природе человека и о соотношении ее с развитием социальных условий я в конце концов изложил на бумаге, и эти мысли стали потом ядром рукописи, озаглавленной мною

«О самом главном» и посвященной описанию контуров будущего, посткапиталистического общества, каким оно мне представлялось. Закончил я эту рукопись в 70-м году, уже после смерти отца и перед второй попыткой бегства из Советского Союза. К сожалению, рукопись потом так и не была издана, однако послужила основой для ряда статей и книг, изданных мною на Западе. Соответствующий раздел из той рукописи предлагаю сейчас вниманию читателей.

Что представляет собой природа человека? Какой строй должен прийти на смену капитализму и государственному социализму?

К серьезным размышлениям о психологии и жизни нас часто подталкивают неожиданные впечатления или переживания, порой, может быть, и не очень значительные. Расскажу о двух таких запомнившихся мне толчках.

Как-то, уже довольно давно, ранней осенью я оказался в старинной деревне Чулково, расположенной на высоком берегу Москва-реки примерно в 45 километрах на восток от Москвы по Рязанскому шоссе. В 1812 году в этой деревне остановилась армия Кутузова, отступившая под натиском Наполеона. Эта деревня была упомянута у Толстого в «Войне и мире»: в Чулково проходили последние дни смертельно раненого Андрея Болконского.

Мало что изменилось в облике этой деревни с тех, как библейские времена, далеких лет. Такие же стояли тесные, черные избы с крохотными палисадниками и ветхими сараями, в которых теперь не было ни коров, ни другой живности. Улицы утопали в грязи. Ковыляли одетые в тряпье убогие старухи, да бегали босые в таком же тряпье дети.

Посреди деревни высилась мертвая, облупленная церковь с покосившимися заржавленными крестами на куполах и заброшенными могилами за церковной оградой. Кучи мусора и отбросов были навалены по откосам под самыми избами, на околице виднелись разваливающиеся амбары.

По всему было видно, если смотреть непривычными глазами, что люди здесь жили только сегодняшним днем и только самыми насущными интересами, без заботы о чем-либо вне этого и о завтрашнем дне. Между прочим, когда спрашиваешь иногда у людей об их планах хоть на полгода вперед, мало кто не скажет: «А! Там видно будет. Надо еще дожить!». Так и живут многие, «не приходя в сознание» и не замечая вокруг красоты «мира божьего».

А красота в тех местах стояла необычайная, за душу хватала. С горы, на которой была расположена деревня, открывался вид на широкую луговую пойму Москва-реки и синие сосновые леса у горизонта. Здесь начинались знаменитые, Есениным воспетые, рязанские раздолья.

С высоты не было заметно, что луга внизу зачахли, что берега реки голы и загажены нефтью, а леса вдали вытоптаны, заставлены заводскими постройками, изрублены дорогами и засорены неперенными свалками мусора. Я знал об этом, так как бывал в тех местах. Но и без этого знания было грустно и тоскливо на душе: от деревни шел дух доживаемой кое-как брошенной жизни, и, как и везде в русских деревнях и поселках, было непонятно — почему и зачем живут тут люди.

И вот, идя по этой деревне, я вдруг увидел молодого мужчину, запрягавшего лошадь. У него было красивое умом лицо и удивительная, поразившая меня сухая тоска в глазах. Не от горя какого-то, а явно от осточертевшей ему примитивной работы и жизни.

Неужели, подумал я тогда, этот человек с божественным чудом сознания брошен в мир лишь для того, чтобы запрягать эту лошадь и жить всю жизнь в этой убогой деревне, в этих придавленных избах, среди убогих старух?!

Но, может быть, так думал только я, интеллигент, «антисоветчик»? Однако через несколько лет жизнь столкнула меня с одной простой, пожилой женщиной, столкнула при весьма печальных для меня обстоятельствах.

Я сидел у кровати умирающего отца, а женщина эта, санитарка, стояла рядом, дежурила возле него. Отец уже неделю не приходил в сознание. Вид его был ужасен: он жил на капельницах, с торчащими из окровавленных вен шлангами.

Прервав тягостное молчание, женщина вдруг обратилась ко мне с вопросом: «Ну скажите, зачем мы живем?! Ведь и всех нас это ждет! Так зачем же мы живем?».

Я ничего не ответил ей тогда, но навсегда запомнил эту минуту и ее вопрос, за которым стояло еще невысказанное: «Что в нашей жизни может оправдать уготованные нам мучения?».

Ее слова, единственно искренние и человеческие из всего сказанного потом возле отца, остались со мной навсегда — как напоминание и призыв к ответу.

Смерть отца, жившего в последние десятилетия тяжело и безрадостно, в мучительном непонимании того, что же случилось со страной, за которую он отдал свои лучшие силы и годы, — его смерть и слова этой женщины были сильнейшим толчком, заставившим меня окончательно решиться на неблагодарную работу по изложению моих «утопических идей» о том, что нужно, чтобы жизнь человеческая могла стать более осмысленной и человеческой.

Приведу ниже очерк моих представлений об этом предмете.

Природа яловека, как я ее понимаю. Страх перед смертью и временем.

Основное, что, по моему разумению, определяет психологическую природу человека и отличает ее от природы всех остальных живых существ, — это, очевидно, сознание. Сознание дает человеку власть над природой и возможность осознать ее величие и красоту. И оно же дает человеку, единственному из всех живых существ, ясное понимание своей смертности, которое оказывает двойное влияние на его жизнь.

Страх перед смертью и временем, влекущим к смерти, представляет собой в сущности глубинный стимул для творческой и созидательной деятельности человека, для доброты и любви к себе подобным, рождает стремление к единению с людьми.

Всмотримся в свое подсознание: мы не можем не испытывать острой жалости ко всему живому, обреченному на короткое и быстротечное существование. И если жизнь не ожесточила нас, мы не можем не испытывать стремления сделать более счастливой друг для друга нашу жизнь. Отсюда и рождается все лучшее в человеке: доброта и совесть (или чувство ответственности) и так называемые понятия добра и зла (или нравственные принципы).

Такова материалистическая гипотеза внебожественного происхождения всего лучшего в человеке. «Бог есть боль страха смерти», — говорит Кириллов в «Бесах» Достоевского.

Но в страхе смерти заключен и «дьявол» — первоисточник всяческого зла, творимого людьми друг другу. Источник хищного эгоизма и своеволия, малодушия и садизма, ненависти и злобы, стимул для злоторчества. И «дьявольские силы» тем сильнее завладевают человеком, чем менее он защищен от страха перед смертью и временем.

Страх перед смертью, концом, небытием стоит за всеми другими человеческими страхами: перед одиночеством, перед импотенцией и старостью, утратой любви и утратой (или необретением) творческих потенций, т. е. страхом, что ты сгинешь, не оставив следа. И патологическая тяга к самой смерти, «тяга к бездне», наверное, отсюда же — от неосознанного желания разом избавиться от страха перед смертью.

Испокон веков люди ищут защиты от этого страха. Что же может нас защитить от него? Думается, полнота жизни — возможность удовлетворять духовные потребности: быть добрым, любить, творить, созидать (и для этого познавать). Иначе говоря, быть нужным людям, быть не одному, ибо вместе легче бороться со страхами и легче «оставить добрый след». Не находя защиты от страха перед смертью и временем, люди вольно или невольно начинают тво-

рять Зло друг другу, становятся агрессивными (для отвода вонне возникающей в их подсознании тяги к смерти) и впадают во все большее одиночество.

Но одиночество непереносимо для человека. Зло же обрекает человека на одиночество. Поэтому стремление к добру — к преодолению одиночества — не может не быть имманентным человеческой природе.

Однако чтобы быть добрым, повторим, надо иметь возможность делать добрые дела, возможность влиять с этой целью на мир и на людей. Когда у нас такой возможности нет, мы черствеем, теряем способность к сочувствию и сопереживанию, теряем стимул к добрым делам.

Короче говоря, люди «приговорены» либо к тому, чтобы двигаться по пути создания условий для осмысленной жизни, либо, если это движение окажется им не под силу, «броситься в бездну», для чего у них уже есть реальные средства.

Основополагающие потребности человека

Если исходить из представления, что основой психологии человека является осознание смертности, то приходишь к выводу, что основополагающими, фундаментальными потребностями человека в социальной сфере являются потребности самоутверждения и единения с людьми. Все другие потребности в этой сфере являются производными от них.

Самоутверждаясь, мы стремимся обрести смысл жизни и оставить в ней след, обрести таким образом какое-то подобие бессмертия и быть нужными людям — достичь единения с ними. (Единение, в отличие от единства, не может быть насильственным или меркантильным.)

Единение с людьми дает нам и смысл жизни, и самую сильную защиту от всех наших страхов. (Простейшим видом единения является семья, созданная по любви.)

Позднейшее добавление

Нынешние сторонники капитализма в России кричат о том, что традиция коллективизма в русском народе — следствие отсталости России и с этой традицией необходимо бороться не на жизнь, а на смерть. Эти люди не хотят или не способны понять, что упомянутая традиция не от отсталости, а от человеческой природы. Как не понимают этого и наши национал-патриоты, представляя коллективизм («соборность») как сугубо русское качество.

При всех существовавших с рабовладельческих времен социальных укладах стремление к самоутверждению и стремление к единению, как правило, находились (и находятся) в непримиримом конфликте. Самоутверждение, будь то через обретение власти, богатства и славы, даже за счет интеллектуальных достижений, чаще всего отчуждает от окружающих, остающихся «внизу» людей, а то и вызывает их ненависть или злую зависть, обрекает на одиночество.

Можно сказать, что капитализм затрудняет людям единение, а государственный социализм — самоутверждение, да и единение превращает в казарменное единство.

Отсутствие гармонии между потребностями в самоутверждении и единении является, очевидно, трагедией для людей, так как опять же оставляет их незащищенными перед страхами,

деморализует, сеет в жизни злобу, зависть. Стремление к гармонии самоутверждения и единения тоже имманентно природе человека.

Возможность же такой гармонии для широкого круга людей появляется лишь в обществе, граждане которого обладают фундаментальными правами истинно свободных людей — правом решающего голоса во всех касающихся их делах и правом собственности на продукт своего труда. В таком обществе в коллективах работников-собственников какое-либо достижение одного из членов коллектива идет на пользу всему коллективу и потому не вызывает отчуждения, злобы, зависти. В таком обществе легко делать добрые дела, вести осмысленную жизнь и иметь защиту от страха смерти и его «бесов».

Бытие и сознание

Известная формула марксизма гласит: «Бытие определяет сознание». Идеалисты утверждают обратное: вначале всегда слово, мысль, сознание. Сколько копий поломано в дискуссиях на тему, что тут ближе к истине! Из главенства для марксистов бытия над сознанием вытекает и их представление об историчности, относительности нравственных принципов и норм.

Но если опять же признать, что в основе природы человека лежит осознание им своей смертности, то станет ясно, что бытие определяет лишь (что очень немало!) форму проявления основополагающих стремлений (потребностей) сознания.

Так, если условия жизни, бытие, мешают человеку самоутверждаться в добрых делах, принося пользу людям, то он вольно или невольно ищет самоутверждения за счет людей (окружающих), подчиняя их и эксплуатируя, а то и уничтожая во имя славы своей. Соответственно начинают в этом случае злокачественно трансформироваться и все другие производные потребности и взгляды человека. Но защиты от страха перед смертью и временем такая трансформация не дает — лишь ввергает человека в одиночество. Однако в каждом новом поколении заново начинается подспудное давление фундаментальных потребностей сознания, которые никакое бытие изничтожить не может, так как не может избавить нас от осознания смертности.

И никакое бытие не может остановить борьбу людей за создание условий жизни (бытия!), способствующих гармонии потребностей самоутверждения и единения.

Предлагаемая нами формула взаимовлияния бытия и сознания снимает, как видим, противоречие между марксистским, материалистическим пониманием этого влияния и идеалистическим и дает нам опять же синтез обоих подходов.

Радикальные противники любого рационального подхода к осмыслению истории и социальной психологии любят размахивать тезисом Достоевского о своеволии человека, который-де способен действовать во вред самому себе. На мой взгляд, этот тезис представляет собой поверхностную констатацию подобного поведения людей, особенно характерного для русского общества, с одной стороны, весьма развитого, а с другой — закрепощенного, внешне и внутренне несвободного. Своеволие — всего лишь уродливая форма самоутверждения, возникающая главным образом от несправедливости, угнетенности и униженности людей. Я отнюдь не являюсь безоглядным оптимистом и очень даже допускаю, что человечество вполне способно не просто действовать себе во вред, но даже и покончить с собой способно. Не допускаю я лишь

одного: что развитие человечества может застрять на нынешнем этапе (капиталистическом и тоталитарно-социалистическом), и что люди смогут примириться с невозможностью реализации своих фундаментальных потребностей и с их дисгармонией.

От психологии к политике: свобода и власть

Очевидно, чтобы иметь возможность для самоутверждения, тем более на пользу людям, человек должен обладать свободой. Свободой мысли и ее реализации. Истина азбучная.

Но, к сожалению, не совсем азбучна другая истина, а именно, что свобода немислима без власти. Без власти над ходом своей жизни и жизни общества, без возможности для каждого человека участвовать в решении всех вопросов, его касающихся. Свобода без власти возможна только в полном одиночестве, в пустыне. В обществе же свобода без власти — фикция.

Свобода и власть — неразлучная пара, две стороны одной и той же медали, название которой — возможность. Свободу и власть можно поэтому объединять в одно понятие: власть-свобода.

Большой бедой человечества представляется то, что еще очень многие люди, даже иные философы, не осознают этой связи: априорно исходят из невозможности гармонического сочетания свободы и власти. Ведь до сих пор везде и всегда власть ущемляла свободу, а свобода противостояла власти.

Многие философы говорят о «пустоте» свободы и даже о страхе перед ней как перед всякой пустотой; говорят о кризисе и трагедии свободы, так как люди, мол, обладают или стремятся лишь к «отрицательной» свободе — свободе от чего-то. И одни предлагают мужественно переносить страх перед «пустотой-свободой», другие — заполнить ее служением Богу.

Но свобода не может быть пустой для человека, если он при этом обладает еще и властью — возможностью творить добро и защищать себя от страха смерти. Не может быть у человека и страха перед настоящей свободой, свободой-властью.

Иное дело, когда хозяин говорит рабу: «Вот тебе твоя желанная свобода, иди на все четыре стороны, а власть и все, что она дает, я оставляю себе». Такая «отрицательная» свобода, конечно, покажется рабу страшной и пустой.

Дайте людям настоящую свободу, и они найдут ей применение: проблемы, стоящие перед человечеством, велики и неизбывны. И настоящая свобода сама по себе неразрывно, диалектически связана с ответственностью. Она не только дает, но и очень многого требует.

Однако власть пока везде в той или иной мере противостоит свободе и душит ее по той «простой» причине, что до сих пор она везде и всегда сосредотачивается в руках меньшинства. Власть, но опять же не свобода. Необходимость подавления свободы большинства ограничивает и свободу властвующего меньшинства.

Настоящей свободой, властью-свободой, могут обладать все или никто. И вот в этом, пожалуй, действительно состоит «великий вывод мудрости земной».

Не надо только путать «настоящую свободу» с абсолютной, которая тоже возможна лишь в безлюдном пространстве. В жизни же среди людей всегда есть только сектор свободных решений и действий. Его величину определяют прошлое и характер социально-политического строя, культура и образованность людей, ситуация момента. Еще очень важно, чтобы границы

сектора свободы определялись также моралью и законами, а не произволом власть и деньги имущих, неподконтрольных обществу личностей. В последнем случае происходит не только сужение этого сектора, но и создается положение, когда у людей остается лишь свобода творить зло друг другу и обществу в итоге любых своих действий и начинаний, даже направленных к добру — ситуация любого тоталитарного строя. (Такая ситуация сейчас вновь складывается в России.)

Однако вернемся к теме соотношения власти и свободы. Иногда приходится слышать, что, мол, далеко не каждый захочет лезть во власть, даже если будет иметь такую возможность.

Да, не каждый человек в каждый данный момент будет иметь желание (и необходимость) пользоваться властью, но сама возможность ею пользоваться имеет огромное, самостоятельное психологическое значение. Уж от возможности-то не откажется ни один человек. Сегодня он не имеет желания и необходимости воспользоваться властью, а завтра может и захотеть, и если не он, то его дети. Каждый человек должен иметь право на власть, каждый человек должен иметь права лорда. Ведь обладание возможностями и дает ощущение свободы. Да это и есть свобода.

Чтобы понять великую успокаивающую и защищающую роль Возможности, надо только представить себе, что ты ее имел и вдруг потерял или что у тебя ее отняли. Об этом в шутку хорошо сказано в одной из пьес Шона О'Кейси.

— Почему ты не хочешь жениться на мне? — спрашивает англичанка американца.

— Женившись на иностранке, я потеряю право стать президентом США, — отвечает ее возлюбленный.

— Но разве ты хочешь быть президентом?

— Нет, конечно. Но права терять я не хочу!

Труднее всего жить без власти-свободы людям интеллектуального, творческого труда.

«Мы еще не выполнили свой долг перед птичницей, — пишет Григорий Померанц. — Но по крайней мере известно, как это сделать. А как быть с младшим научным сотрудником Акакием Акакиевичем, пожизненно осужденным готовить бумаги Значительному Лицу? Этого никто не знает, и мы в потемках ищем ответа, одновременно с Европой и Америкой, которые по крайней мере о птичнице могут не думать».

И до тех пор, пока не найдем ответа, смута и беспокойство в мире будут нарастать, ибо мы переживаем сейчас не только демографический взрыв, но и быстрое «размножение» младших научных сотрудников. И они никогда не приобретут настоящей свободы, свободы-власти, пока ее не будет и у птичницы. Прибавить птичнице «корму» и облегчить ее труд — еще не значит выполнить перед нею наш долг. Птичница ведь тоже человек, существо, обладающее Сознанием. И до тех пор, пока она также не станет Значительным Лицом, у нас и яиц не будет в достатке, и не оставит нас страх, что в один прекрасный день, обезумев от бессмысленной и несправедливой жизни, птичники бросятся под штандартами какого-нибудь новоявленного фюрера сворачивать головы людям, прежде всего младшим научным сотрудникам. В прошлом эта перспектива не была столь реальна, так как «птичницы и птичники» рождались таковыми (рабы рождались рабами), и свобода, даже «отрицательная», не маячила за воротами их «птичников». Детей рабов не учили в школе, что они свободны и равны. И то появлялись Разины и Пугачевы!

Свобода, власть и собственность

Я полностью согласен с Олдосом Хаксли, что все зло в мире проистекает от того, что большинство людей при всех существующих режимах, правых и левых, все больше лишается собственности на средства производства, попадает в абсолютную зависимость от работодателей — и это деморализует и тех и других.

Иными словами, к свободе и власти необходимо добавить собственность, дающую средства к существованию. Но главным в этом триединстве остается власть. Без нее не удержать ни свободы, ни собственности.

Свобода, власть и собственность — сжатая формула синтезного социализма. Свобода — регулируемая законом и моралью, власть — как право решающего голоса во всех касающихся человека делах, собственность — на продукцию и средства производства. И все это для каждого члена общества.

Строй, созданный на этом «базисе», позволит всем людям начать движение к своим идеалам, к нравственному совершенствованию и гармоничному развитию, к снятию противоречий между стремлением к самоутверждению и единению, начать движение к «Свободе, Равенству и Братству».

Очень важно иметь в виду, что система групповой трудовой собственности опирается одновременно как на идеалистические, так и на меркантильные компоненты человеческой психологии (снимает и здесь противоречие) — позволяет наконец людям работать для себя и для общества одновременно.

Подытожим. Становление уклада, представляющего собой диалектический синтез либерализма и коллективизма, социализма и капитализма, — дело неизбежное по той причине, что такой уклад дает возможность людям полнее и гармоничнее удовлетворять свои фундаментальные духовные потребности.

Уклад этот откроет эпоху действительно бесклассового общества, позволит человечеству перестать тратить большую часть сил на внутренние проблемы, на классовую, сословную, национальную и прочую междоусобную борьбу, позволит мобилизовать все силы на борьбу за продолжение и благополучие рода человеческого (что и предназначено природой всем живым существам), превратит человечество из интровертированной «личности» в экстравертированную, из подросткового состояния поможет перейти во взрослое.

Но при этом надо осознавать, что становление синтезного уклада, похоже, уже запаздывает и подростковый период опасно затягивается: на человечество надвигаются апокалипсические угрозы, экологические, ресурсные, демографические, террористические, и ему пора бы уже сосредоточиться на ликвидации этих угроз.

Позднейшее добавление.

Совсем недавно, со стыдом должен признаться, я взял себе за труд внимательно прочесть все 30 статей «Всеобщей декларации прав человека», провозглашенной 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН. И обнаружил, что это — удивительно гуманный и продуманный документ, созданный очень мудрыми людьми с широкими взглядами. И настоящим сюрпризом для меня оказалась первая статья, которую я, конечно, не раз слышал, но, что называется, краем уха. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Вдумаемся, слова эти были написаны людьми, далекими от социализма, но люди эти, очевидно, понимали, что представляет собой фундаментальная потребность человеческой природы (братство и единение — тождественные понятия) и положили ее в основу всей декларации, всех прав человека. Этим они фактически сделали первый шаг к синтезу либерализма и социализма. «Чистый» капитализм слишком уж далек от духа братства!

И еще момент. Великая Французская революция в конце XVIII века провозгласила своим главным идеалом триединство: «Свобода, равенство и братство». Прошло с тех пор масса времени — а идеал сохраняется. Потому что природа человека неизменна, ибо зависит от осознания им своей смертности.